

Елена Шварц

П П Н Д М
Е Т А Н О
С И Ц Е Р
Н Ц С
Я Ы К
О
М

* * *

Мы летя держимся в науках,
Воздух, качимся в узлах,
Тяжело сверчки, заветного
В складках своих и узлах,
В самих перьях угадывая,
В узлах спортивной урды,
В совах годов дохлых,
В крошечках для возврата.
Мы и мы и гонимыми,
Вспыхивая и гася —
Как возврата не атакую,
Может походить так же.

Елена Шварц

Елена Шварц

П П Н Д М
Е Т А Н О
С И Е Р
Н Ц С
Я Ы К
О
М

**ББК 84. Р7
III 33**

**Марка издательства работы
*Сергея Семенова***

ISBN 5—85767—076—4

© Е. Шварц, 1995

I

ХОМО МУСАГЕТ

(Зимние Музы)

Vester, Camenae, Vester...^{*}
Horacius

I

Ветер шумит за стеклами,
Вид на задний двор.
Ветер подьѐмлет кругами,
Носит во мне сор.
Всякий вор
В душу мне может пролезть,
Подкупит
И низкая лесть.
Но поднимается жар
И разгорается хор,
Легких сандалий лепет,
Босой разговор.

Не тяните меня, Музы, в хоровод,
Я устала, я сотлела.
Не во что ногою топнуть —
Под ногами теплый плот.
Я уже вам не десятый,
И уже не мой черед.

Пахнет льдом, вином и мятой,
Травы горные в росе.
Вертишейкою распятой**
Закружили в колесе.

Музы кружатся, как бусы,
Разноцветные — пестрей!
И одна из них как прорубь,
А другая как Орфей.

* Я ваш, Музы, я ваш...
Гораций

** Вертишейку, распятую в колесе, приносили в жертву Афродите.
(Все примечания в книге — авторские.)

И одна из них как морфий,
А другая как Морфей.
И одна как сон тягучий.
А другая — сноп огней.
Не тяните меня, Музы, в хоровод —
Уже год у нас не певчий,
А глухой водоворот.

Легче ветра, темней света
И шумней травы.
Ах, оставьте человека,
Позовите Бога вы.

II

Музы! Девушки! Зима уж навалилась.
Снег под кожей — где флейта, где тимпан?
С верткою поземкой вы впервой явились
С углями в ладонях... или заблудились?
Сгнули как Пан?

Моряки-эгейцы на недвижном море
Услыхали голос — Умер Пан!
Вздых слетел с вершины, солнце побелело,
В мареве Олимп пропал.

Только Музы живы, им десятый нужен
В разноцветный их и пьяный хоровод.
С первую порошей, по ледку босая
С черно-красным камнем Первая бредет.

III

Вот выпал первый снег.
Багровое вино
В сугробы возливая,
Чтобы почтить озябших Муз,
И дикие стихи
На свечке сожигая,
Я Смерти говорю:
Пчелой в тебя вопьюсь.

О как она бывает рада,
Когда ее встречают
Не с оцепелостью потухшей,
Не с детским ужасом,
И не бредут к теням унылой тенью —
А как любовника: и с трепетом в очах,
И сладострастьем нетерпенья.

Камены бедные
В снегу переминались,
Все боги умерли,
Оне одне остались.
Они и в смерть перелетают —
Как захотят летят они,
Горя вокруг древа мирового
Как новогодние огни.

IV

Снега насыпьте в красный
Стакан с тяжелым вином,
Может быть, я забудусь
Горько-утешным сном.
Может быть, мне приснится
Орфеева голова —
Как она долго по морю
Пророчила и плыла.

Как ее колотило
Солью, и тьмой, и волной.
Как она небо корила
Черным своим языком.
И ослепляла звезды
Бездонным пустым зрачком.

Кажется мне — это лодка,
Остроносая лодка была,
И я в ней плыла матросом,
Словесной икрой у весла.
Пред нею летели боги —
Дионис и Аполлон.
Они летели обнявшись:

Он в нас обоих влюблен.
С тех пор, как я прикоснулась
К разодранному рту,
Я падаю тяжким камнем
В соленую пустоту.
С тех пор, как я посмотрела
Глазами в глаза голове,
Я стала выродком, нищим,
Слепою, сестрой сове.
Вмешайте в вино мне снегу,
Насыпьте в череп льду,
Счастье не в томной неге —
В исступленно-строгом бреду.
О снег, ты идешь все мимо,
Белизною не осеня.
Кружатся девять незримых
В снегопадных столбах звеня.

V

Мохнато-белых пчел,
Под фонарем скользящих,
Я отличу легко
От хладных настоящих.
У этих из-под белизны
Косится темный глаз блестящий
И жальца острые ресниц
Нацелены на предстоящих.

Замерзшие колют ресницы,
Ледяные глядят глаза,
Тебя оплетает хмельная,
Ледяная, в слезах, лоза.
Музы, ужели вы только
Пьющие душу зрачки?
Девять звезд каменистых,
Кружась, ударяют в виски.

VI. (Пифия)

Сидит, навзрыд икает...
— Да вот я и смотрю —
Ударь ее по спинке,
Скорей, я говорю!
— Ничто! Она икает
Все громче и больней,
Облей ее водою
И полегчает ей.
— Смотри, глаза полезли
И пена из ушей.
— Да что же с ей такое?
Иль умер кто у ней?

VII

Музы (замерзли!) — белые мухи*
Вас завлекли сюда?
— Мир оттеснил нас, глухая вода,
В гиперборею.
Долго скользили во тьме седой
Над морем Белым,
Видим — на льдине живой воробей
Оледенелый.
Мы и согрели его собой,
Синими языками
Молний живых, и на свет голубой
Дале рванулись.
А он плывет там и поет
На девяти языках,
С синим огнем в ледяной голове,
Невидимым в очах.
Когда он повис на гребне
На клочке ломаемой льдины,
Лопнуло накрест в подвалах Эреба
Сердце седой Прозерпины.

* У Гете есть стихотворение «Мусагеты». Ими он считает мух — и те, и другие, мол, являются летом. Здесь тоже мухи — мусагеты, но зимние — «белые мухи».

VIII. Восхваление друг друга у Никольского собора

Аркады желтые, в проплешинах, Никольского рынка,
Где делают с цветочками посуду
Эмалированную — там в длинную флейту ветер
Дует ночами.

Там гуляет голубь, постовой свистнет,
Да подпоясанные небрежно, босые,
Как перипатетики, бродят девы
Глухой ночью.

— Молний снап на поясе у тебя, Эрато,
Без тебя не сложится ни гимн, ни песня,
Подойдешь ближе, глянешь — кровь быстрее
В словах рванется.

Ну а ты, Полигимния, не скромничай, Дева,
Взор певца устремляешь в небо,
Без тебя он ползал бы по земле извиваясь
Тварью дрожащей.

— Без тебя, Мельпомена, без тебя, Клио...
Так наперебой друг дружку хвалили
И, танцуя, сливались в темнисто-светлый
Венец терновый.

Ах, кому нам девяти, бедным,
Передать свою поющую силу,
Ах, кого напоить водой кастальской,
Оплести хмелем?

У Никольской видят колокольни
Притулился, согнувшись, нищий.
Он во сне к небесам тянет руку,
Стоя спит, горький.

Тут они на него набежали,
Закружили, зашептали, завертели.
Замычал он, мучимый сладкой
Пения болью.

Ладонями захопал в бока гулко
И, восторгом переполненный тяжким,
Взял и кинулся в неглубокий
Канал Крюков.

IX. Музы перед Иконой

Вокруг Никольского собора
Во вьюжном мчатся хороводе,
Озябнув, будто виноваты,
Цепочкой тянутся при входе.

По очередности — пред Троеручицей
Творят — и в сторону — поклон короткий.
Меж рук Иконы неземной
Скользят отчетливо, как четки.

— Все наши умерли давно. —
Со свечками в руках мерцали.
И сами по себе молебен
Заупокойный заказали.

ноябрь 1994

ПЕТРОГРАДСКАЯ КУРИЛЬНЯ

Три раза Петр надрывно прокричал.
Петух и Петр — кто разделит их?
Из смертных кто тебя не предавал?
Как опium клубится к небу стих.

Когда предместье зацветает
Своей желтявой чепухой,
Я вспоминаю — здесь курильня
Была когда-то. В ней седой
Китаец, чьи глаза мерцали,
Как будто что-то в них ползло.
— Моя урус не понимает, —
Он говорил немного зло.
Давал искусанную трубку
С лилово-белым порошком,
А если кто уснет надолго,
Рогожным прикрывал мешком.
Ты приходил худой и бледный,
И к нарам — из последних сил —
Чтоб древний змей — холодный, медный —
Из сердца твоего испил.
Ты засыпал и просыпался,
Костяшками белея рук,
И пред тобою осыпался
Забытый город Пепелбург.
И он танцует страшный танец
Свидетелем смертельных мук,
И это воет не китаец,
А темный город Петелбург.

1990

СЕРЫЙ ДЕНЬ

Второпях говорила, в трепете,
Потому что времени мало —
Пока молния вздрагивая,
Замедляясь, бежала.

Или это была кровь моя,
Тихо гаснущее бытие?
Войти мне уже пора
В горчичное зерно Твое.

В доме Отца моего ныне ветшает все,
В доме Отца все ангелы плачут —
Потому что их иногда достигает тоска
Где-нибудь замученной клячи.

В серый день я жила на земле,
В дне туманном — свое торжество —
Может Дух подойти и смотреть,
Чтоб, не видя, ты видел Его.

Так порадуйся скудости их,
Этих сумерек не кляни,
Если нас посещает Христос —
То в такие вот бедные дни.

В ИЗМАЙЛОВСКОМ СОБОРЕ

Странный ангел в церкви дремлет,
За спиною его сокол,
Он ему шептал все в темя,
Тюкал, кокал, не раскокал.
Что ты! Что ты! То не сокол.
За спиною его крылья —
Они веют, они слышат,
Они дышат без усилья.
Нет, не крылья, нет, не крылья!
Это упряжь вроде конской,
Или помочи младенца.
Эта упряжь — милость Божья.
За спиной у человека
Тож невидимо взрастают,
Опадают и взлетают —
Будто пламя фитиля.
За спиною твоей крылья.
Нет, не крылья. То не крылья.
Это сокол — мощный, хищный.
Он клюет, плюет мне в темя,
В родничок сажает семя.
Этот сокол — сам Господь.
Сам, Благословенный, хищный.
Он нас гонит, Он нас ловит.
Будешь ли святою пищей,
Трепетливой, верной жертвой?
Съеден — жив, а так ты — мертвый...
Так мне снилось, так мне мнилось
В церкви, где среди развалин
Служба шла, и бритый дьякон,
Как сенатор в синей тоге,
Ангела толкнув убогого,
Отворял нам вид на грубый,
На некрашенный, без злата —
На честной и простой Крест.

1990

Сердце, сердце, тебя все слушай,
На тебя же не посмотри —
На боксерскую мелкую грушу,
Избиваемую изнутри.
Что в тебе все стучится, клюется —
Астральный цыпленок какой?
Что прорежется больно и скажет:
Я не смерть, а двойник твой.
Что же, что же мне делать?
Своего я сердца боюсь,
И не кровью его умыла,
А водицею дней, вот и злюсь.
Не за то тебя, сердце, ругаю —
Что темное и нездешнее,
А за то, что сметливо, лукаво
И безутешное.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРИЛИСТНИК

1. Путь подземный

Н. Меркушенковой

Снова водит Луна
За рога народы,
И смотрит, смотрит в зрачки им она, а меня
Манят подземные воды.
Знаю ход тайный, глубокий путь
Из Нового в древний Ерусалим —
Камень отбросить, лопатой копнуть,
И со свечою неугасимой
Вот уже я утонула по грудь.
Когда к земле приближается Глаз
И метит всех одинаковым знаком —
Приоткрывается дивный лаз,
Да ведь откроет не всякий,
За поворотом повозка ждет,
Впряжены в нее крылатые собаки.
Вся в паутине тропинка лежит
Под кирпичами изрытыми ветхого свода,
Над головою земля дрожит —
Толпы мнутся, народы.
Этой дорогою до меня
Святые ходили, разбойники, звери,
Мышь пролетала, глубоким был вход,
А выход высокий — в цветные двери.
Но перед тем, как туда шагнуть
И в чан окунуться с забвенной водою —
Тень посылаю, чтоб стала она
Между Луной и тобою.

2. Смутные строфы

Как уныло пьется настой ромашки,
Так тоскливо — будто сама ромашка
Пьет свою кровь в саду глухом на закате,
Так печально — как если бы я лежала

Глубоко во чреве Летнего сада
Рядом с плавающей авиабомбой,
И внутри можно маслом зерна разлиться,
И мы с нею взорвемся в конце квартала.

О если я могла бы играть на флейте —
Кажется, лучшего и не надо!
Хорошо бы в метро за медяк случайный,
Как Орфей, выходящий один из ада.
Тополь молит за всю Украину.
А ведь прав был по-своему и Мазепа,
И Матрена, кстати, его любила:
Ой-ты цветочек мой рожаненький!
Мелитополь, как жаркая дверца топки,
За которой угольная бездна юга,
Где роятся москиты и бродят мавры.

Может, я уже не церковь, раз мне церкви не снятся,
Каменные пчелы внутри роятся.
Русский медведь плачет в берлоге,
А когда повернется — хруст костей раздается,
Да и сам он жрет свои кости.
Рус затравленный, урсус!
Скоро тебя поведут — куда не захочешь,
На майдане цепью повяжут,
Плеткою исколотят — плюшевый мой, лесной!

Скобелев вылетает, белый конь, а с ним и солдаты,
И бегут, закрыв глаза, раскосые орды.
Скатерть-самобранка белой Сибири
Зацепилась за саблю и несется куда-то.
Много крови пролили очи родителей наших,
А мы уж не плачем — рождаемся сразу старше,
Белой пеной исходят наши глаза.
Народ, засыпая, утыкается в бок народу,
И, как замерзающую пловчиху,
Гонят полночь на запад часовые пояса.

Моя жизнь истаяла в каменном яйце,
На петербургском камне осела, на высоком крыльце,
И, умирая, я прячу в рукав эфира
Карманное неровное зеркальце мира,
Ломаются черные пчелы и падают мне на висок,

Голову медведя несут под землю, а лапы волокут на
восток,
Всклипывая, он ложится спать в черном яйце,
И неловкая каменная лира, утешая, поет при его конце.

3. Заплачка консервативно настроенного лунатика

О. Мартыновой

О какой бы позорной мне перед вами не слыти,
Но хочу я в Империи житьи.
О Родина милая, Родина драгая,
Ножиком тебя порезали, ты дрожишь нагая.
Еще в колыбели, едва улыбнулась Музе —
А уж рада была — что в Советском Союзе.
Я ведь привыкла — чтобы на юге, в печах
Пели и в пятки мне дули узбек и казах,
И чтобы справа валялся Сибири истрепанный мех,
Ридна Украина, Камчатка — не упоминаешь их всех.
Без Сахалина не жить, а рыдать найгорчайше —
Это ведь кровное все, телесное наше!
Для того ли варили казаки кулеш из бухарских песков,
Чтобы теперь выскребали его из костей мертвецов?
Я боюсь, что советская наша Луна
Отделиться захочет — другими увлечена,
И съезжится вся потемневшая наша страна.
А ведь царь, наш отец, посылал за полками полки —
На Луну шли драгуны, летели уланы, крался стрелки,
И Луну притащили для нас на аркане,
На лунянках женились тогда россияне.
Там селения наши, кладбища, была она в нашем
пленьи,
А теперь — на таможене они будут драть за одно
посмотренье.
Что же делать лунатикам русским тогда — вам и мне?
Вспоминая Россию, вспоминать о Луне.

май 1990

ВОСПОМИНАНИЕ О МЫТЬЕ ГОЛОВЫ В ГРОЗУ

Поздний вечер. Глубокое темное детство.
В окне, как припадочный, билась гроза.
Седая чета мне голову мыла,
В тазу плавали в пене мои глаза.
Они себя видели и закрывались.
Старуха царапала, лил воду старик,
Когда же гроза в диком реве вздымалась —
Они замирали на миг.
Но снова вцеплялись, терзали и терли,
Гроза уж ворчала из дальнего леса,
Когда, утомясь, и ворча, и вздыхая,
Уснули два хворых и древних беса.
И шелковые волосы скрипели,
Ночь освеженная пролилась в щели,
Пел соловей и старики сопели.
В поруганной отмытости лежала,
Догадываясь — где я, что со мною,
И край заброшенный с печалью узнавала —
Где черти чистят и гроза отмоег.

1991

ПИФИЯ

Ванге

— Деушка, деушка, темный канал,
Тот, по которому сны проплывают
Или виденья грозно плывут —
Ты нам поведай, что знаешь.
Деушка, деушка — посох в руке,
Хвост в облаках твой сокрылся,
А голова, волочась по земле,
Изрыгает темную воду.
Воду знамений, реки печалей:
«Знаю — тот день, которого ждали —
Прах человеческий в недрах земли
Тяжесть руд и камней превысит —
Вот тогда и съжатся дали,
Разверзнутся трубные выси.
Станет тогда седая земля
Говорящею головой,
Каждый будет, как мысль, судим
Или, как слово, спасен
Или, как чувство, развеется в дым,
Или, как имя, забыт».
А пока что мертвыми рвет ее,
Тенями она говорит,
А потом, как котенок слепой, она
На овчине, свернувшись, спит,
Утонула она — потому что тесна
Водопаду, что в горле спит.
Сон из дальних сочится стран,
Говорит она тихо в сторонку:
«Мне тяжело — через воронку
Переливают океан».

1992

ВЕРТЕП В КОЛОМНЕ

(на смерть Театра)

1

Там жарко было, ну а здесь в метели
Приплясывают зрители, в глазах —
Тот, кто лежит в скорлупке-колыбели
и Кто — в морозных небесах.

2

Завеса, бархатная в синь, наколдовала
Иль Вифлеема теплый зимний воздух —
Что золота дороже и сандала
Вола дыханье и навоза дух.

3

И пусть, как шут, я на себя в обиде
И Духа я не вижу своего,
Но на земле везде хочу я видеть —
Как слиты тварь и божество.

4

Пустая сцена — ты толкаешь вверх,
Бросаешь в дрожь, священна ты, алтарь.
Царей и всех блаженней на земле
Кто здесь — помазанник и царь.

5

И на кого прольется вдруг ознобом
Источник сил, или слюна Отца,

Кого и ангелы под руки водят,
Как дочь венчанного слепца.

6

Когда я по Фонтанке прохожу —
То чувствую в глазницах и у губ,
Как пыльная вдруг опустилась завесь,
Театра страшен мне зеленый труп.

7

Его грызут метели в волчьи ночи,
И сердце в нем окостенело.
Никто уже не плачет, не пророчит.
(Я мертвых не люблю и мерзкого их тела).

8

Уносит ветром маски, рожи, тени,
Белила густо сыплются с небес,
Но — со стареющей Вселенной
Не сколупни румяна, бес.

9

Рождественский вертеп и крошечные ясли,
Шарманка дряхлая, как вымершая птица,
Поет в Коломне, в вымерзшей столице,
Серебряные звезды смотрят страстно
На муки легкие и крови роженицы.

октябрь 1989

МЕРТВЫХ БОЛЬШЕ

Петербургский погибший народ
Вьется мелким снежком среди живых,
Тесной рыбой на нерест плывет
По верхам переулков твоих.
Так погибель здесь все превзошла —
Вот иду я по дну реки,
И скользят через ребра мои
Как пескарики — ямщики
И швеи, полотеры, шпики.
Вся изъедена ими, пробита,
Будто мелкое теплое сито.
Двое вдруг невидимок меня,
Как в балете, среди белого дня
Вознесут до второго окна,
Повертят, да и бросят,
И никто не заметит — не спросит.
Этот воздух исхожен, истоптан,
Ткань залива порвалась — гляди,
Руки нищий греет мертвый
О судорогу в моей груди.
От стремительного огня
Можно лица их различать —
Что не надо и умирать —
Так ты, смерть, изъязвила меня!

1989

Тише! — ангелы шепчутся — тише!
Я вот-вот, вот сейчас услышу.
Просто дождь чмокает крышу —
Кап да кап. Адонай. Эль.
Да подол подбирает выше
И по стенке шаркает ель.

Нет — это ангельских крыльев
Легкая давка. Пожар.
Сто хористов. Дзэн. Элохим.
Нет! Это все-таки дождь.
Влажный в сердце удар,
Передается мне с ним
От ангелов — слезный дар.

ИЗ ВСЕГО

То, что Гуттен-станок
Прижимал к молоточкам —
Боязливой бумаги шершавый лист,
То, что в ухо вползало, ахая,
Что в трубу святого Евстахия
Набросал пианист, натащил гармонист,
Нашипела змея,
Нашептал дурачок,
От чего сжималось глазное яблоко,
Все — чем память набила мешок —
Надо его отдать рано ли, поздно.
Из всего — только всего и жаль —
Звезды, и даже слова о звездах.

ДАНЬ ЗИМНЯЯ

По белке с дыма жизнь берет,
Хоть по одной — и неизбежно,
Как поворот
Реки, набитой пылью снежной,
Как неба пыльного
Неслышный поворот.

Как вдох и выдох, кровяной
Движенье нити,
Как неизбежно воздуху с ноздрей
Прелюбы сотворити.

И ходит воздух, как шатун,
Вдруг остановится — и мимо.
Охотница же меж снегов
Скользит, скользит неуследимо
И машет палкою в глаза:
Давай, давай мне белку с дыма.

ПРОИЗВОЖУ НАРКОТИКИ (ИНОГДА)

Я хотела бы — я люблю —
В облака глядеть, на земле лежать,
И в это же самое время — коноплю
В себе собирать.
У меня внутри — в средней пазухе —
Не одна конопля —
Там колышутся, переливаются
Маковые поля.
Там среди алых есть бледно-розовые —
Вот у них, родных, самый сладкий сок.
Я натрусь, наемся — и с эскадрильей стрекозовой
Уношусь на Восток.
У меня в крови есть плантация,
Закачается золотой прибой,
Что-то взвояет во мне ратной трубой,
Вдохновение поджигается,
Тягу к смерти приводит с собой.

На мозговых вращаясь колесах,
Мелется, колется наркота
И железой растворяется слезной,
И лежу я на облаке в росах,
А подо мной — высота, высота.

Темрюкович, Патрикевна,
Посмотри без промедленья —
В выплывающий наружу
Посмотри скорей в мой сон —
Видишь — прыгает, как слон,
В глубине кроветворенья
Наркотический гормон.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ (В САМОЛЕТЕ)

**Глядя на икону в красном углу неба,
Встречаю сороковое лето,
Чуть повиснув над золотой землею,
С флягой вина, помидором и хлебом.
Все, что кончится, еще длится.
И хотя огня во мне уже мало,
Он весь под языком — как у птицы.**

МОИ МАШИНКИ

Машин нет в смерти ни одной.
Мне это очень, очень жаль —
На что мне радость и печаль,
Когда нет «Оптимы» со мной?

Или портной старинный «Зингер» —
В своем усердии собачьем —
Все мое детство стрекотавший,
С отполированным плечом,
Похожий на мастерового,
О лучшем не подозревавший,
Всю жизнь строчивший так смиренно,
Как бы для худшего рожденный
И с простодушными глазами,
Блестящими в прозрачной стали.

Без них блаженства мне не надо —
Без этих кротких и железных
И нищих духом двух существ.

1992

КОШКА И ДЕНЬ ЛЕТА

Руки рыбой пропахли — кошку кормлю,
Бросаю в печку поленья.
Наполнил Господь чрево ее
Молоком изумленья.
Принесла она в ночь котят (четверых),
Тут же трех из них писк, плач затих,
А четвертый все треплет ее, жует,
Но к закату и он помрет.
Кошка бедная, чем же ты согрешила?
Птиц не терзала, мышей не ловила.
Я фанерную дверь закрываю ключом,
Копошится там ночь, а мы живы еще.
Показалась звезда, покатилась в окне,
Задрожала другая — на сердца дне.
(Ах кошка нежная! Мой друг...
На днях он умер... разве знаешь?
Ты этого не понимаешь,
А если — вдруг?..)
Сон запел, замыкал спокойно о том,
Что всем хватит места на свете том,
Кто жил на этом, как в зеркале — отраженью.
Растворится твое молоко изумленья,
Смерть пришла за твоими детьми дуновеньем,
А за мной, за тобой — еще день, еще миг, еще год —
Как ветер придет.

1990

КРЕЩЕНИЕ ВО СНЕ

Светлая ночь. Меня окрестили во сне.
Золотой священник главу покропил.
Мнится ли, мерещится мне?
Только крещальная лилась вода.
Может быть, звезды меня крестили?
(Близко трепещут, дрожат в окне.)
И светляка на забытой могиле
Чисто горящего, тоже во сне.
Хоть я когда-то крестилась в огне,
Но растворенное сердце забыло
Прежнюю милость, и славу, и силу:
Все же очистись, омойся, как все.
Звезды качаются, в землю скользят,
Поп золотой исчезает вдали,
Тихо подземные льются ключи,
Вины, заботы мои унося.

1991

Если мы с тобою умереть надумаем — давай
Мы грузовичок угоним прямо в рай,
Прямо в золотистый старый дом,
Мы его угоним, уведем.
Править оба не умеем — ну и что ж,
Ведь струной дрожит дорога, будто нож.

Зажиганье включим — и вперед,
Грузовик запляшет, его затрясет.
На лету прошусь я с родиной моей,
С этим тайным наворотом, с этим ворохом камней.
Если будет очень больно, если горе подожмет —
Можно и самим у смерти разорвать осклизлый рот.

Сфинкс, прощай, прощай, канава,
Крепость мертвая на вид,
С виселицы Каракозов
Прямо на руки летит.

Вы, сквозные, проходные,
Дворы, доходные дома,
Вы учили, вы вертели,
Как по комнатам ума.
Вы, облитые настоем
Из египетских гробниц,
И шаров воздушных гроздь
Пронеслись — из милых лиц.

О блаженный и мгновенный, и бензиновый полет!
Будто гусь летит и плачет — больше так не повезет.
Грузовик плеснется в воду,
Утюгом ко дну пойдет.
Невской бритвою холодной
Нити жизни перервет
И острогою голодной
Друг ко другу нас прибьет.

Поцелуемся с тобою, река ледоходная,
Разобьем тебя в воде, луна родная.
О прощай, моя земля доходная,
О сквозная, проходная!

ИСПОЛНЕНИЕ ПРОРОЧЕСТВ

Лыжной палкой голос
Пронзает железный наст —
Это, наверное, гласность —
Разве она для нас?
Привыкли мы к холодам,
Скрипучей длинной зиме
И к берлоге своей
В ледянистой тьме.

Черная туча летит,
В глубях ее серафимы,
Если прольется дождь —
Будем чисты мы.

Цокают семь коней
Нетерпеливо в конюшне,
Вот одного повели —
Мчится по яме воздушной.
Ржет и ярится второй,
Время пришло, наступило,
Чтобы ржанье его
Созвездия пригасило.
Почкой весенней в ночь
Рвется моя могила.

Вот я проснулась в своей
Длинной ночной рубахе.
Что же ты трешь глаза?
Нет ни омег, ни аза —
Все только детские страхи.
Только обида Творца,
Только болезни творенья,
Жалкому мне червю
Нету ни в чем упоенья.
Нет упованья, надежд,
В боли чужой утешенья.

Счастье также не весит почти ничего.
Не узнаю его — ты ли?

• Вдвинули время антенной,
На которую нас ловили.

Завиден мне только тот —
В ветоши полунагой
Глухонемой, что смеется,
Мажет соплей небосвод.

Что это — воды иль кони
Рушатся вниз с горы?
Всаднику шепчут: коли!
Голову влажно-немую
Под землю снедать пронесли.

Иродиада! Змея!
Пестрая, где ты сейчас...
Слышишь — все змеи земли
Шепчут тебе: атас!

Блесткая туча летит,
Кружатся в ней серафимы.
Все, кто не спят сейчас,
Будут огнем палимы.
Если же дождь пройдет —
Будем чисты мы.

Я опускаю забрало
Лба — и в долину ума
Въезжают семь всадников алых —
Страшнее, чем кровь сама.

И первую печать срывают
С окровавленных, нежных тел,
Кусочек сургуча не тает —
Он крепко так на сердце сел.

Свечу подносят, жгут, как чеку
Срывают с сердца твоего
Всю боль родителей от века,
Святое гнева торжество.

Земля гниет за Иорданом,
Да и везде она гниет,

**Кружится пепел за туманом,
На голову все пепел льет.**

**Печати, кони, звери, трубы
Сошлись все на страшный день,
Но между рук у них скользнула
Истаявшая мира тень.**

1988

Ой-ой-ой!

Я боюсь сидеть на стуле —

Потому что он висит

Над зияющею бездной.

Ай-ай-ай!

Я боюсь летать на стуле —

Потому что я люблю

Быть притянутой к ладони

Тяготенья и презренья.

По Солнцу путь держи, по Солнцу,
Хотя оно уже склонилось
К болотцу низкому — в оконцах,
Покрытых пленкой. Провалилось.
Легко пойдем и по Луне,
Во тьме играющим звездам
На барабане, когда она
Идут под землю навстречу нам.
В час между Солнцем и Луной,
Между звездой и звездным хором,
Когда еще не пели птицы,
Но в ожиданьи дирижера —
Тогда вступаю на дорогу,
Где нет ни севера, ни юга,
Она ведет в селенья Бога,
И ангелы бредут оттуда.
Она как радуга висит
Через телесный злой овраг,
И в этот предрассветный миг
Я успеваю сделать шаг.

1992

◆ ◆ ◆

То, чего желали души, —
То сбылось —
Морем крови прямо в уши
Пролилось.
Жизнь стала тоньше, дуновенней
И невозможней, чем была,
Чтоб хаоса не испугалась,
Кругом стояли зеркала,
В них отражались мрак и пламень,
Над мертвой пропастью полет,
Но бездна бездну не узнает,
Как человек не узнает.

1992

ГРОБ ГОСПОДЕНЬ

П.Р.

Рыцарь, засыпая на пути,
Полусидя под деревом,
Видит на латах своих
Город,
Затемненный крылом подступающих снов
И сарацинским плененьем.

Муха ползет в уголке
Его запекшихся уст.
Умрет он за гроб Господень,
Который пуст.

Это и хорошо,
В этом-то наше спасенье,
Вот он — свежий шов —
Земли и неба стяженье.

Я, засыпая, вижу
Рыцаря, а за ним —
Темный, вскипающий, круглый,
Зубчатый Ерусалим.

Да, добраться бы, долететь,
Доползти к той светлой пещере,
И все сердце собрав свое в вере,
На мгновенье (долгое) умереть.

Уснуть — и снится мне спящей,
Со свечой — в сердце горящей,
В охающей, предстоящей
Тьме —
Рыцарь, внутри лежащий,
Как слово дрожит во мне.
Собирается жизни гроза,
Давит смерть, иссыхая, парит.
Мертвые открывают глаза —
О зажмурься! Воскресенье ударит!

В МОНАСТЫРЕ БЛИЗ АЛБАНСКОЙ ГРАНИЦЫ

Енисе Успенски

Я подняла глаза, увидела изнемогающую Венеру,
Сочащую любовь в пространство,
Над снеговой горю мглистой,
Албанию укрывшей грузно,
Над ней рассвет уже дрожал
Внутренней коркой арбузной.
Там — тьма, Албания,
Здесь — православный монастырь,
Где розы, нежась, увядая,
Склоняются себе на грудь.

Хотя охота — ох! — мне спать,
Но колокола звон негромкий
Льдяными четками внутри,
И через сад иду в потемках
Чудесной среди роз дорогой.
Скользят монашки каждый день и час
В пещеру ледяную Бога,
Между камней развалин древних,
Вдоль одинокой колокольни,
Меж роз, белеющих чуть в алость.
Такая чистота и жалость,
О розы, раните вы больно!
В живом пронзающем морозе
И я колени преклоняла,
Молясь пречистой вышней Розе
Об увядающих и малых.

Благодаря, что век не скончился мой прежде,
Чем глаз породил эту гору,
Выдох — утреннее мерцанье,
Тайный страх — мусульман за стеной,
А внутренний жар грудной —
Храма мороз блаженный.

Поют, бормочут, молчит
Инок, в черную сжатый дугу.
Господи, я ведь люблю

Больше, чем я могу —
Гору эту в снегу,
Розу эту в песке,
Кровь свою на бегу,
Тебя в неизбывной тоске.
Вот Ты привел, я пришла
К телу Албании дикой,
Чтобы и в странствии духа
Тоже увидеть, услышать могла
Грохот и скрежет горя, греха
За невидимую горою великой,
Чтоб в чужедальности я увидала
Воинство неба плечом к плечу.
Господи, я ведь люблю
Сильнее, чем я хочу,
Эту луну из-за гор,
Чужих людей, заиндевевшую розу в песке,
Пенье из старческих горл
На чужом, как в гареме сестра, языке,
Сильную гору в снегу,
Запах утренних звезд,
Сильный и в близости роз
И съедающий кожу мороз,
И мусульман за стеной,
И ангела здешних мест,
И Того, что везде со мной.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Теснясь, толкаясь,
Звезды высыпали на работу,
Вымыты до боли, на парад.
Звезда хотела бы упасть — о что ты, что ты!
Сей ночью подержись, не падай, брат.
Сей ночью надо блеском изойти,
Сияньем проколоть глаза у мертвых,
Златиться в реках, на морском пути —
Сверкай, сияй, мерцай, коли —
В долинах, шахтах и аортах
В святую ночь — последнюю — Земли.

Завтра мы осыплемся, как прах, —
Беда живым, надежда в мертвецах.

Сосцы питающие, не питайте.
Ложесна, закрывайтесь, не рождайте.
Смотрите — звезды заплясали, как горох.
Шаги вы слышите? То не рассвет, а Бог.
Телец идет туда, где ждет Стрелец,
На атомы разбился Козий Рог,
Созвездий нет, гармонии конец.
Созвездий нет, есть сумасшедший снег
Из расплясавшихся звезденок, из огня,
Селена разломилась вдруг, звеня,
Но Жизнь еще жива — до утра дня.

Молитвы и стихи, в пустынях и столицах —
Играйте, пойте во всю мочь,
Живые, изживайте эту ночь,
Женитесь на деревьях, смейтесь с птицей.
Вам, силы Жизни, больше не помочь.

1990

БОКОВОЕ ЗРЕНИЕ ПАМЯТИ

В оны дни
Играли мы в войну
На берегу Невы.
Восточный свежий ветер дул,
За белое пальто ее в залив тянул,
И я на это засмотрелась,
Когда мальчишка вдруг, ощерясь,
Метнул
Зазубренный угля кусок
В висок.
(Висок ведь по-английски — храм).
И сразу кончилась игра.

А может быть, сама Нева
Ленивая приподнялась,
Мне вскрыла сбоку третий глаз
И заплескалась в головах.
О злая! — это ты, Нева,
И ладожская твоя сила
Тот уголь с берега схватила
И втерла мне в висок слова.
Кровь пролилась, ручьясь, ветвясь,
Сквозь антрацитовую грязь,
Смешались алость с бледнотой,
И угля перистая тень,
И голова была — закат
В короткий предвесенний день.

Горела долго над Невой
И вдруг, кружась, промчалась мимо,
Вся в клубах сигаретна дыма,
И мимо рук — седым углем
И лейкоцитом серафима.
Смотрела — как сестра летит
Простая черна кость Адамля.
Нева точила о гранит
Свои муаровые сабли.

1985

II

POETICA — MORE GEOMETRICO*

Параллельные строки сошлись.
В их скрещенном углу закраснелся приют.
Уезжала с вокзальных лучей, что ведут
На все стороны — но слились,
И все души мои столкнулись тут
И разбились о крепкую тьму,
Непостижную дальше уму.

Заблудилась в лесу, утонула в морях.
О душа, ты взывала из ямы ввысь,
Но стихи, как собаки, неслись в сумасшедших санях,
Параллельные тропы сошлись.

И сошлись они там, откуда ушли —
В этом остро-тупом углу,
Там ланцетом изъяли подкожную жизнь,
И живу я теперь, где они сошлись —
В каждой букве дрожит по углу.

Но одежду дали уму
На живое пришитую тьму,
Слишком сильно ветер шумит
В этом красном словесном углу.

февраль 1994

* Поэзия — геометрическим способом (с помощью геометрии).

**Все три мои макушки смотрят вверх,
Трехглазье кроткое главу венчает,
И острые небесные лучи
В них кто-то медленно вращает.**

**Они как три колодца, и водой
Вдруг заплывают до краев мятежной,
И если ведра опускают в них —
То очень осторожно, очень нежно.**

1994

СКАЗАНИЕ ОБ АФОНЕ*

1

Нет, не древний злой титан Афон,
А комаринский Афоня-мужик
В море греческом горой полулежит.
Он бежал, летел, раздувал бока,
Чуть гора — толкнет, море — выплещет,
Вдруг сопрел, сомлел, прямо в воду — плюх...
Вот теперь лежит и храпит века.
Распростерла над ним воздух
Матерь Божья.

Борода его замшела, задеревьялась,
В ней аскеты дикие живут,
Слезы льются из открытых глаз —
В море реки чистые текут.
Виноградьем весь повит,
Ветром вскопан, морем омыт.
Он каштаном, лавром весь порос,
На боках монахи кавуны растут,
В уши самые благовестят
И ладаном курят в широкий нос.

До Суда лежат в нем, как в гробу.
В вышине церквушечка стоит на лбу,
Все в ней тихо — только облака
В ней кадят туманом иногда.
Только раз в году старик седой взойдет,
Службу честно отстоит в холоде высот.

2

А Мужик во сне тихонько въздыхает,
О себе высоко понимает.
Освятился весь он так, что мнит —

* Легендарный титан, погребенный под Св.Горой.

Мол, бельмо на глазе — Море Мертвое,
Из него в главе струится Иордан
В правую глазницу — Галилейскую.
Хоть и шепчет он псалмы всю ночь
Языком похмельным и сухим,
Но не думает, что рот — Ерусалим.

Темной ночью на Афоне
Била к Всенощной зовут,
Старцы встанут и с поклоном
Свечи тихие зажгут.
В долгой воинской, на смерть-на жизнь молитве,
Все во тьме и пении потонет,
Только разве море тихо взрыкнет
Да мужик под скалами застонет.

Когда-то он смердел, когда-то он чесался,
Но все нечистое умчалось нынче вон,
Трезвел Мужик, светлел и — оказался
Пречистый старец — Свет-Афон.

3. Ночное посещение

Глубокая ночь и глубокое море
Сошлись у Афонской святой земли,
Луна проблеснула, орляной мелькнула,
Монахи, понурясь, на колокол шли.

Простым украшеньем для ризы полночной
Свечи сияли, звезда, маяки,
Тихо качаясь на бездне, беспечно
С фонариком круглым поют рыбаки.

Кротко и рыба плескалась, не зная,
Что ей готовит будущий день —
То ли потоки светлые рая,
Если лазурная выбросит сень,

Там и душа моя в шелке витала,
Смея в виденье ступить на Афон,
Перед глазами монаха порхала,
Думал он: то мотылек или сон?

Ты меня держишь в пазухах,
Город, таишь в углах,
Будто сверчка запечного
В складках своих и узлах,
В саже печей угасших,
В углях сгоревших дров,
В сотах домов доходных,
В крошках для воробьев.
Ты же мной и заплатишь,
Выгонишь из дверей —
Как воробьев не хватает,
Мелкой монеты твоей.

1994

Когда лечу над темною водой
И проношусь над черными лесами,
Нет у меня в карманах ничего —
Табак вразмешку с русскими стихами.

Когда же ангел душу понесет,
Ее обняв в тумане — и во пламя,
Нет тела у меня и нету слез,
А только торба в сердце со стихами.

Но прежде, чем влететь в распахнутый огонь:
Не жги — молю — оставь мне эту малость,
И ангел говорит: оставь ее, не тронь,
Она вся светлым ядом напиталась.

Сергею Вольфу

Едва схватился лед в пруду —
Две льдинки, подскользнув друг к другу, зазвенели —
Так высоко, петлисто и надмирно,
Как будто лед — материя в пределе.

Как будто скифского жреца
По льду метнули ожерелье,
А он, очнувшись после жизни птицей,
Пытался засвистать и их поймать с похмелья.

Трава лизнула зимний злой топор,
И посмотрела я на темный лед —
Прозрачная рука в него стучала,
Напрасно колотя в метровый свод.

Кружились дети на коньках и не слышали,
Звенели льдинки — улю-лю,
Собаки, заскользив, друг с другом танцевали,
И снег всем говорил: ты спи, а я уж сплю.

1993

ТРИ ЦАРЯ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ БАЗАРЕ

*Г.Гейне — с упреком — зачем он
с топором напал на трех волхвов*

Уже не надо, но снова снится —
Снег, мороз и круглый свет,
Снова терпкую кровь Роженицы
Разлил по стаканам Адвент.

Зимы, ты знаешь, и лета нет —
Это ряженые колдуют,
И кровинку наколяют,
И уходят, на свой наступая след.

Я знаю ужас зернышка,
Летящего в вихре сева.
О еще бы остаться с коровой,
Согревающей ночи хлеба.

Мы отдали золото, миру
И все, что нравится нищим,
И все, что самим было мило,
И стала душа пепелищем.

А когда ничего не осталось,
А только камень и сор —
Мы легли под тяжелый камень
И стали строить собор.

Но у нас навеки осталась
Имен скорлупа, Мельхиор.

Базаром, вафлями хрустя, шли маги,
Но нет звезды, а воздух пьян.
Пещеру светлую найдем мы в океане,
Где над нею пляшет холодный океан.

Мы вдунем в стакан тебе, странник,
Гарь и черный пожар,
Еловою веткой уколет
Рождественский базар.

Меня, я Ему поклонился,
Младенец усыновил
И пухлою ручкой своею
Мне сердце исколотил.

Он угли разжег в глазницах,
Сказал: посвети окрест —
Увидел я, сном томим,
И Змия, кусавшего хвост,
И Его, несущего крест —
И все это было одним.

На крашенных колесницах
Кружились, глинтвейн варя,
И лили в сугробы кровь Роженицы
Три нищих и грозных царя.

1993

**Шестов мне говорит: не верь
Рассудку лгущему, верь яме,
Из коей Господу воззвах,
Сочти Ему — в чем Он виновен перед нами.**

**Я с Господом в суд не пойду,
Хотя бы Он... Наоборот —
Из ямы черной я кричу,
Земля мне сыплет в рот.**

**Но ты кричи, стучи, кричи,
Не слыша гласа своего —
Услышит Он в глухой ночи —
Ты в яме сердца у Него.**

1994

ЛЕНЬ

**Блаженная лень! Томящая лень!
Так сладостно кровь цепенеет!
Ресницами так невозможно взмахнуть,
Язык, распухая, коснеет.**

**Не выходить, не петь, не знать отличий,
Не страшивать ни липких сна оков,
Ни упоительную муку параличных,
Сухих растений, сверженных богов.**

1994

НА ПЕРВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ГАМСАХУРДИА

Чуть покраснев, и в клочьях тины,
Луна, толкнув скалу плечом,
Омочила снега долины
Едкой лазурной мочой.

Сторож, выйдя за сараем в кукурузу,
Услышал тонкое движенье
И выстрелил — в Бодлериану — Музу,
Нагую, резвую, хотя и в разложеньи.

Он опять вернулся в свой свинарник,
Где среди трухи, лопат и вил
Пел и пил еще другой охранник,
Гроб в полу он чачею кропил.

Просочится ли она в открытый рот,
Растечется ли по дереву уныло?
Сушится в связках табак, кто-то в поле поет,
И солдат, как надгробье, храпит на могиле.

февраль 1994

КРУГОВРАЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ТЕЛЕ

Эта девушка — чья-то дочь,
В глазах — голубая вода,
В паху у нее — глухая рваная ночь
И розовая звезда.

А в сердце у ней — который час?
Между собакой и волком.
Синий сумеречный льется атлас
Под воткнутой в центр иголкой.

А во лбу у нее предрассветный сад —
Занялось — вот сейчас рассветет,
Но в затылке уже багровый закат,
В позвоночник полночь ползет.

февраль 1995

НА ВЫСОТЕ

Бог мог быть камнем или растением...

Оккам

Парус опавший в груди трепещет.
Где же воздух — слабый, дольний,
Грязный — где же он теперь?
Штурвал глазницы вещей
В муке кружится — и кажется дверь.

Там висит кристалл зеленый,
Как прозрачный чистый лоб,
От него сквозь купол льется
Красноватый ясный столб.

И — в его прозрачной волне
Парит без усилья
Бабочка на краю, на дне
С черепами на пыльных крыльях.

Этот Камень светлый, страшный
Перевешивает мир.
Он — живой, всегда кругами
Ходит стража, шепчет плавно клир.

Господи, я вспомню Имя.
Имя есть во всех церквах.
Ты висишь здесь, как на дыбе,
В немоте и на цепях.

И разве я — служитель горний,
А не пролилась как вода,
Что Ты тропю потаенной
Привел меня наверх сюда?

Спаси же Ты своих увечных,
Свое больное — иль нельзя? —
Что Ты висишь в пещере вечной,
Как отвердевшая слеза.

1994

Как стыдно стариться —
Не знаю почему,
Ведь я зарока не давала
Не уходить в ночную тьму,
Не ускользать во мрак подвала,
Себе седиными светя,
Я и себе не обещала,
Что буду вечное дитя.
Но все ж неловко мне невольно,
Всем увяданье очевидно.
Я знаю — почему так больно,
Но почему так стыдно, стыдно?

1994

БЛАГАЯ ВЕСТЬ ОТ ЧЕТЫРЕХ ЭЛЕМЕНТОВ

Как радуга мелькнет и верба расцветет
Трепещущей голодною весною —
Тогда состав мой понимает весь:
Что есть Евангелъе иное.

Четыре древние Евангелъя живут,
И ими сокровенно жизнь цела:
Вода, Огонь, и Воздух, и Земля
Несут Тельца, Ягненка и Орла.

Когда-то прошептала мне Пчела,
Что воздух жив, которым Бог дышал.
Подстрижен ветер, и еще он пьян
Вином, которое во тьме была вода.
Ночь горняя — не ночь, а Иоанн.

И влага шумная все помнит Океан,
И капля хладная воды крещальной
Скользнула с плеч, упала в Иордан
И стала там жемчужиною тайной.

И, розовея там, на дне веков,
Она вдруг засветилась, загорелась,
И тут Вода с Огнем сплелись и спелись,
Огонь поплыл рекой среди песков.

Как будто бы Марк и Лука
Срослись спиной, а пересохшими губами
Шептали вместе, влажными глазами
Смотрели в небо, рыб держа в руках.

Когда-то две чудесных рыбы,
Собой пять тысяч накормив,
Жар крови в них собой затмив,
Вдруг в саламандры обратились.

Земля оседлая зашевелит плечом,
Она живет — по ней ступал Господь.

Она освященна — в ней спит Адам,
Как зерна в ней прозябнет плоть.

Огонь священный жив, он, под землей горя,
Как Лазарь заметался в пеленах,
И вместе сразу Пламя и Земля
На четырех бормочут языках.

Орел захлопал крыльями,
Заклекотал Матфей,
На землю кровь лилась из ран,
Земля мычала. Шел ангел средь мечей.
В одежде, сшитой из живых ночей,
Неумиравший вьется Иоанн...

Когда касался дождь его плечей,
То становился осиянным,
А Время все растет, а из него —
Четыре нераздельных неслиянных.

1994

ДЕВОЧКА И КРЫСА

Девочка шла с крысой на плече,
Крыса распласталась, как погон.
Этому никто не удивлялся,
Потому что это — древний сон.
Крыса живо-живо посмотрела,
Гладит девочка ей корнеплодный хвост,
А сама — серее, чем картошка,
Не пошла еще ни в цвет, ни в рост.
Снег их кроет сереньким пушком,
Удивляясь древности союза,
Крыса дышит в тонкое ушко —
(Но напрасно) — как немая Муза.

1994

КОЛОДЕЦ-ДУБ

Пробился ключик посреди
Пустого дуба,
Он поднимается весной
До среза, где была вершина,
Да молния ее сожгла.

В колодец этот возвышённый
Посмотрит птица, пролетая,
И забывает — где юг, север,
Да и зачем сей глаз мерцает.

И говорят — в году раз ночью
Там что-то будто вдруг вскипает,
Оттуда с шумом, плеском, пеньем
Всплывает лешая русалка,
На мир посмотрит — и обратно
Несется вниз в жерло глухое.

И я кругами там ходила,
Как кот прозрачный и ученый,
И думала: сей дуб есть образ
Безумца, пифии, пророка.

декабрь 1994

ТОРГОВКА

У ног Обводного канала
Она баранкой торговала.

В ее лице (их было целых три) —
Одно белело круглое, как рама,
Другое из него одутло выступало,
А третье — просто пяточок,
Бутон или густой цветок.

Который не приманит никогда
Пылящих мимо насекомых,
И полувдвинутой трубой
Смотрела в окна незнакомых,
В закатное нагое солнце,
Пот утирая полотенцем.

1994

ЗАРУБЛЕННЫЙ СВЯЩЕННИК

В церковь старушка спешит
(Непременно надо согбенную),
Ворона кричит через размокший снег,
Со слезой радуется
Здесь навек человек.
Тает в углу мертвец
С молитвой, ко лбу прилипшей,
Может, впечатается в кость
И отпрянут духи под крышкой.
Священник, погибший при начале конца,
Похожий на Люцифера и Отца,
Немного светский и слишком деятельный,
Но избранный в жертву (назло чертям?),
Может, кровью своею — верите ли? —
Пропитает ворону, старушку и храм.
Снег не просыплется больше в юдоль,
Разве снизу пойдет — от земли — в январе?
Наша скоро утихнет боль,
Но выступит соль на топоре.

1992

ЗАБРОШЕННАЯ ИЗБУШКА

**Печален старичок, допив настой на травке,
И думает коту, лежащему на лавке:**

**Ты знаешь, деточка, зверек пушистый,
Что вечер настает февральский, скорый, мгlistый?**

**Что все давно недвижны, кто помнили о нас,
Забудем же и мы их в ночной и снежный час. —**

**Последняя чекушка допита, и теперь
Заклеена морозом, насмерть зальдела дверь,**

**И в окна льется синева, вразмешку с пеной.
Мы будем так лежать — и разомкнутся стены,**

**Покуда потолок не отворит нам путь,
По льдистой колее куда-нибудь,**

**Промерзлый домовый нас поцелует в лоб.
И сыплет снег не в гроб и не в сугроб.**

1994

СОН МЕДВЕДЯ

Я не хочу, чтоб мной играли силы,
Как на трубе.
Не буду я подсвистывать унылой
И мизерной судьбе.

С блаженной радостью встречаю
Я новый день,
Сладка, сладка мне чашка чаю,
Утешна лень.

Какое счастье — что тебя
Никто не любит,
Твоих родимых во гробах
Засохли губы.

И вот летим — круглы и остры,
Дробь из ружья,
Все растворились братья, сестры,
Ушли мужья.

И все — от шляпы до ботинок —
Внутри пальто,
Переходя в раствор пылинок,
Благою стало пустотой.

Но что на плечи налегая,
На лапах привстает?
Во мне, в берлоге одичалой,
Медведь живет.

Вся жизнь — зима, и он зимой
Все плачет, уменьшаясь в росте,
Но миг настал — и он тобой
Выходит в мир, ломая кости.

И вот весной — ау — весной,
Как время петь,
Глаза вращая — он со мной
Давай реветь.

осень 1994

Кошка прижалась — будто спит —
И тихо в усы поет,
И слышит, как сердце мое спешит,
Как время мое идет.
Привычно земля, как грузовик,
Вошла в лихой разворот,
Травы очнулись под твердой корой,
Спи — еще солнцеворот,
Спи еще — сколько крови шуметь
В домашних своих родных конусах,
Знает дыханье и сонный медведь —
Сколько снегу скользить в часах.

1994

GENIUS LOCI*

(Росица)

Белоруссия. Пустошь. Недалеко от границы.
Здесь было когда-то местечко,
Но оно улетело, как птица,
Все в нем шило, шипело, болело,
Но... немцы, время и ветер.
Ивы, полынь, ковыль.
Жила здесь бедная мышь
В развалинах нищего дома.
Она была здесь тогда,
Когда два старика умирали,
А в углу белела девчонка —
Отпрыск их ветхого лона.
Мышь белела в другом углу
И смотрела в дитя из-под век,
Девчонка шептала, молчала,
А потом убежала навек.
В солому закутав голову,
Как в молитвенной шали,
Мышь у камня сидит и ждет холодов
И сводит на груди концы печали.
Луна ей жует затылок,
Жжет проплешину лунный взгляд —
Вставай же, мышь, подымайся
И встраивайся в парад,
В котором идут, приплясывая,
До края земли — и раз...
А пустошь — она останется,
И золоченый глаз,
А мышке везде достанется
Черствая корка и лаз.

1992

* Гений места (местности).

МЫШЬ

**Мир кончился: всхлип, вздох,
Тишь —
Но еще после всего
Пробегает мышь.
Гул отдаленных труб,
Вой уже близок,
По Невскому мышь бежит —
Нет, уже ее призрак.**

ПРЕДВЕЩАНИЕ ЛЮЦИФЕРУ

*Господине Люцифере, если бы я вам гадала,
то вот ваша судьба — до времени и когда вре-
мени уже не будет.*

В тулове темной бездны
Кружился Крест ледяной,
Грубый, глухой, зеленый,
Как рубленый топором.

В пронзенное перекрестье,
В разверзнувшуюся рану,
Влетали светлые птицы,
А выпорхнули — мухи,

Сдирая на лету
Белейшие одежды,
В черном гнусном теле
Навзрыд они летели,

А главный их водитель,
Архистратиг и мститель,
Косил во гневе — вверх.

Он знал — начнется Время,
Подыметя Земля.
Потом придет Спаситель,
Оплачет Он ее,

Потом свернется Время,
И молот-крест расколлет
Земли гнилой орех.

Он знал — и до паденья
Он — злейшее из злейших,
Седой отец греха,
Что ледяное солнце
На плечи упадет
И станет, расколовшись,
Крестом промерзлым грубым,
Пригнет его к себе.

Пронижет его ужас,
И ледяную душу
Прожжет чужой мороз.

И с головой висящей
Из снежного Креста
Он понесется бездной
К источнику Огня.

Чрез Крест он прoderется
В игольное ушко
И, ободравши плечи,
Смиренно упадет

Перед престолом Божьим.
И черный Огонь на белом
Начертит приговор.

1995

ПЕСНЯ ПТИЦЫ НА ДНЕ МОРСКОМ

Мне нынче очень грустно,
Мне грустно до зевоты —
До утопанья в сон.
Плавны водовороты,
О, не противься морю,
Луне, воде и горю,
Кружась, я упадаю
В заросший тиной склон,
В замшелых колоколен
Глухой немирный звон.

Птица скользит под волнами,
Гнет их с усилием крылами.

Среди камней лощеных
Ушные завитки
Ракушек навощенных,
И водоросль змеится,
Тритон плывет над ними,
С трудом крадется птица,
Толкаясь в дно крылами,
Не вить гнездо на камне,
Не, рыбы, жить меж вами,

А петь глубинам, глыбам
В морской ночной содом
Глухим придонным рыбам
О звездах над прудом,
О древней коже дуба
И об огне свечном,

И о пещных огнях,
Негаснущих лампадках,
О пыли мотыльков,
Об их тревоге краткой,
О выжженных костях.

Птица скользит под водами,
Гнет их с усилием крылами.

Выест зрачок твой синяя соль,
Боль тебе клюв грызет,
Спой, вцепясь в костяное плечо,
Утопленнику про юдоль,
Где он зажигал свечу.

Птица скользит под водами,
Гнет их с усилием крылами.

Поет, как с ветки на рассвете,
О солнце и сиянье сада,
Но вести о жаре и свете
Прохладные не верят гады.
Поверит сумрачный конек —
Когда потонет в круглой шляпке,
В ореховой сухой скорлупке
Пещерный тихий огонек —
Тогда поверит морской конек.

Стоит ли петь, где не слышит никто,
Трель выводить на дне?
С лодки свесясь, я жду тебя,
Птица, взлетай в глубине.

24 декабря 1994

ПОХОД ЮРОДИВЫХ НА КИЕВ

(Подлинное происшествие — см. Прыжова)

Злате Коцич

1. Вступление

В зло-веселой Москве, у кладбища, в ограде собрались
Юроды Христа ради.

Порешили они покаяться — и отправиться ко святым
костям,
К пещерным мощам, что покоятся в граде Киевском.

Кто помрет по дороге —

Суждено уж так,

А, глядишь, доползет

Хоть какой дурак —

Пусть попросит Бога

О всех, о всех,

И отпустится

Даже смертный грех.

Безъязыкий пусть,

Пусть и хром, и сир,

Он помолится

За крещеный мир.

Порешили они — и отправились. Одни уснули
в кабаках,

Другие — в темных лесах, третьи петляли,

Вернулись домой, а иных — убили злые люди.

2. Марфа

Шла Марфушка, припевая,

От трактира до трактира

И, дорогу измеряя,

По стопушке выпивала,

Да и далее по тракту

На одной ноге скакала.

Вот Владимир позади,

И Рязань прошла,

И Калуга пролетела —
Киева не видно.
Хоть бы он из-за угла,
Что ли, выскочил,
Из-за леса синего
Выпорхнул.

— Поплыву-ка рекой,
Водой лучше я,
То болотом, то струей,
То волокушею.
Выменяла злат-платок
На дощаночку-челнок,
Парус ставила — лопух наискосок,
И плыла рекою синею,
Баламутя облака веслом
Под корягой с тиною.

За ней рыбы шли
На хвостах, хвостах,
На хвостатищах,
Лодку мордами толкали до утра,
Говорили: прыгай к нам,
Мати будешь пескарям,
Осетру — сестра.
Пляшут с ней водовороты
И поет вода,
И никто ее не видел
Боле никогда.

3. Лунный юрод

В Киев ко святым мощам
Юрод бредет с клюкою,
Но что этот Киев такое
И где он — не знает сам.

Он разум на лучине сжег,
Пепел скормил траве —
Только в круглой его голове
Тлеет еще уголек.

Пред ним вся белая, в пыли,
Луна бочонком катится,
А утром его по лесу вели
Бормочущие птицы.

Однажды он Луну догнал
И нечаянно внутрь ступил,
Как будто там Киев небесный сиял,
И с нею на небо взлетел.

Несет он посох и суму,
Кружится его житие,
Я вижу его, как всмотрюся в Луну;
Как белка он крутит ее.

О как одичился Луницы лик
С тех пор, как он в ней бежит,
Ума сгоревшего уголек
Личину ее темнит.

4. Матрена-предводительница

Топ — могучая Матрена —
Топ-топ — кряхтит, идет,
Переваливаясь, бредет —
Где же, где же великий Киев?
Кругом одни леса.

С пути свернула в лес дремучий,
Лбом в дерево — а там —
Стала грозовой тучей
С выпушкой по краям.

Стала, стала Божьим страхом,
Налетит в дороге
Прямо в душу черной тушей,
Вынешь смертную рубаху —
Вспомнишь и о Боге.

5. Пахом-дом

Вот пьяница бредет Пахом
В блевотине своей, как в злобе,

Идет молиться он — грехом
Бо он дитя угробил.

Все тяжелей бредет Пахом,
Вот позади уж полпути,
Вдруг стал он на дороге Дом,
Прохожему не обойти.

Едва войдет и соль найдет,
На печке вспялится сова,
А из-под лавки подмигнет
Ему кабанья голова.

Под паутиною висит
Вся темная икона,
А если бросится он спать —
Змея ему на лоно.

И стены странно задрожат,
Из подпола несется чад
Горелых тел — там двери в ад,
Там мучают убогих.

Из дома кинешься бежать
До первого в потемках стога,
От ужаса теряя тело
И превращаясь быстро в Бога.

6. Лабиринт

Вот Матрена потерялась
На лугу, на лугу,
Мы бежали, восклицали:
Угу-гуй, угу-гу.
Только след мы отыскали,
Только хлеб мы обрели,
Что Девушка потеряла на бегу.
Вот глядим — лежит сухая корка хлеба,
Но, чудесная, растет,
Давит сок из ягод неба,
Поднимает свод.

Мы на хлеб на той напали,
Стали грызть со всех концов,
Вдруг Матрену там отыщем,
С нею Киев и отцов.

Феодосий — он гундосый, он такой,
Он — безногий, красноглазый, он — плохой.
«Ах зачем, ах зачем я в краюху вбежал?
Как в болоте увяз, как в навозе застрял.

Мягкий хлеб, теплый хлеб,
Тесный пористый путь,
Я оглох, я ослеп,
Я теперь — кто-нибудь».

Вот Федула вбежала
С другого конца,
У ней нос набекрень,
Язвой рот в поллица.
И Пахом-живоглот,
И мордастый Максим,
Все вбежали во хлеб
И колышутся с ним.

Понеслись они все,
Кто безглаз, кто горбат,
Прямо к центру земли,
Как четверка мышат.
Как там сытно, тепло,
Не задохнутся там.
Жаркий хлеб на крови
Со слезой пополам.

Они взад и вперед,
Они вниз — к небесам,
Нет Матрены нигде,
Закружились там.

Тут прохожий прошел,
Странник некий чужой,
Он и съел этот хлеб
Пеклеванный и злой.
И четыре юрода

В его животах
Говорили на сто десяти
Языках.
И в его-то крови
Они вольно живут,
То ли он их несет,
Ноги в Киев несут.

Эпилог

Я шла, чертила угольком
По туче — что пристала?
И в страшный заходила дом,
Невидимую стала.

Но и невидимая я
Шептала и крестилась,
И долго в темноте рука,
Бледнея, все светилась.

Чужое сердце сразу стало,
Как будто кто отрезал бритвой,
И в нем сама себя шептала
Исусова молитва.

Пост-эпилог

Ты был там, путник? Ты прочел
Пергамент темный старцев строгих,
Что улием бессонных пчел
Уж не о мире молят, а о Боге.

ЛЕСНОЙ ОТШЕЛЬНИК

На звезду молился столпник всюю ночью —
Бо она лежала на востоке,
И ему не удивлялись звери,
Ведь они не удивятся даже —
Если Бог придет к ним одинокий.
(Но они немного удивятся,
Если человек подарит хлеба),
А святой молился неустанно
На икону ночи, сполох неба.
И к утру ему казаться стало,
Что внутри звезды он, как в пещере,
В цитрусе и в коже сиянья,
И вокруг него ходили звери,
Как вокруг сияющей березы,
Так смотрел он долго на мерцанье,
Что входил во света сердцевины,
Там внутри о бессловесных всех
Он молил за нищую скотину.
Да и все мы бессловесны, все,
Безъязыким стал и он с зарею,
Все вокруг — в тумане и росе,
А звезда плыла уж под землю.

1995

СОДЕРЖАНИЕ

I

Хомо Мусагет (<i>Зимние Музы</i>)	7
Петроградская курительня	14
Серый день	15
В Измайловском соборе	16
Сердце, сердце, тебя все слушай	17
Геополитический трилистник	18
Воспоминание о мытье головы в грозу	21
Пифия	22
Вертеп в Коломне (<i>на смерть Театра</i>)	23
Мертвых больше	25
«Тише! — ангелы шепчутся — тише...»	26
Из всего	27
Дань зимняя	28
Произвожу наркотики (<i>иногда</i>)	29
День рождения (<i>в самолете</i>)	30
Мои машинки	31
Кошка и день лета	32
Крещение во сне	33
«Если мы с тобою умереть надумаем — давай...»	34
Исполнение пророчеств	36
«Ой-ой-ой...»	39
«По Солнцу путь держи, по Солнцу...»	40
«То, чего желали души...»	41
Гроб Господень	42
В монастыре близ Албанской границы	43
Последняя ночь	45
Боковое зрение памяти	46

II

Poetica — more geometrico	49
«Все три мои макушки смотрят вверх...»	50
Сказание об Афоне	51
«Ты меня держишь в пазухах...»	53

♦Когда лечу над темною водой...♦	. 54
Едва схватился лед в пруду	. 55
Три царя на рождественском базаре	. 56
♦Шестов мне говорит: не верь...♦	. 58
Лень	. 59
На первое погребение Гамсахурдиа	. 60
Круговращение времени в теле	. 61
На высоте	. 62
♦Как стыдно стариться...♦	. 63
Благая весть от четырех элементов	. 64
Девочка и крыса	. 66
Колодец-дуб	. 67
Торговка	. 68
Зарубленный священник	. 69
Заброшенная избушка	. 70
Сон медведя	. 71
♦Кошка прижалась — будто спит...♦	. 72
Genius Loci (<i>Росица</i>)	. 73
Мышь	. 74
Предвещание Люциферу	. 75
Песня птицы на дне морском	. 77
Поход юродивых на Киев	. 79
Лесной отшельник	. 85

Шварц Е.

Песня птицы на дне морском: Стихотворения. —
СПб.: Пушкинский фонд, 1995. — 88 с.

ISBN 5—85767—076—4

ББК 84. Р7

Шварц Елена Андреевна

Песня птицы на дне морском

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1995

Редактор Г.Ф. Комаров

Корректор А.Г. Ивлева

ЛР № 030 448 от 10 ноября 1992 г.

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Офсетный участок ТОО «ИНВЭКО-ПРОЕКТ»

С.-Петербург, пр.Гагарина, д.1

Зак.247. Тираж 1000 экз.